

ПОЭЗИЯ

Юрий Касянич

Ночной разговор с ангелом

*Юрий Касянич <> Леонс Бриедис,
фрагмент из неопубликованной книги переводов
Леонса Бриедиса «За пределом синевы»)*

Зима 1996-го оказалась сумасшедше — високосно — снежной. Сейчас мне кажется, что столько снега было только в зимы моего детства, в середине шестидесятых.

Это случилось на исходе февраля, вечером, почти около полуночи, когда я, покуривая в опустевшей от дневного быта кухне, размышлял о превратностях творческих путей, о судьбах рукописей. За окном в конусе ночного фонаря медленно, как замороженный, падал нескончаемый снег, а в голове моей звучали стихи, которые я перевел когда-то:

*Все заметут снега —
и вздох,
и крик...
Тяжелый ветер свистнет над землей.
И ни одна звезда не улыбнется
немою ночью нам с тобою.*

Передо мной лежала новая, еще пахнущая типографией и шампанским недавней презентации, книга Леона Бриедиса «Ангел бездны».

Непривычно большая для наших времен книга стихов.

Для смутных времен, идущих на ущерб духа, как луна на ущерб диска.

Но луна имеет известное обыкновение избавляться от ущербности в течение месяца, а вот как долго нашему времени еще идти на ущерб и как долго потом возрождаться, преодолевая приобретенную ущербность, этого не ведают даже ангелы.

Под антрацитовою обложкой таились, спрессованные в увесистый том, листы снежной белизны, покрытые буквами прихотливого шрифта, листы, похожие на поля, на которых оставила свои следы спустившаяся передохнуть перелетная стая, кочующая по миру в поисках пристанища. От бьющей в глаза чистоты стра-

ниц веяло черемуховыми холодами 1990 года, когда были написаны эти стихи, изданные пятью годами позже. Я листал страницы, и взлетали птицы, крича, причитая, как над тризной, я смотрел вокруг на картавое пернатое воинство и в плещущейся метели траурных крыльев различал только галок, ворон и воронов...

«И я увидел звезду, упавшую с неба на землю.»

Я заканчивал перевод стихотворения, строка которого дала название сборнику. Передо мной лежала книга Леона и Новый Завет, открытый на «Откровении Иоанна»: «...И царем у них был ангел, охранявший бездну, а имя ему было Аваддон...»

Подняв исчерканный листок, я начал тихо, почти про себя, вычитывать перевод:

*ангельского сана не достоин
ободрав бездомные крыла
бродишь ты по улицам столицы
площадям
и свалкам
где ветра спешат упиться*

*ангел бездны:
Аваддон, губитель*

*шастаешь по кабакам
пивным
подворотням что похабством манят
где и жор и брага и соитья
ни в одной нимало не насытятся
хоть они настырно напирая
виснут на тебе
изгнанницы из рая
золотом от сажи тусклым*

*словно потаскуха
по притонам шляешься тоскуя
сильный
как могучая звезда
что покинула небесную обитель*

*ангел бездны:
Аваддон, губитель*

*только не бывать тебе среди
падших ангелов
что покаянно стонут*

*ангельского сана не достоин
пока еще седьмого ангела труба
не протрубила
ангел бездны:
Аваддон, губитель*

Меня поразили апокалиптические предчувствия, которыми пронизана новая книга Леона. Стихи написаны шесть лет назад, и то, что они увидели свет только сейчас, означает, что они отстоялись в душе и сознании автора. Читая, я ощущал вкус хорошо выдержанного, но очень терпкого вина.

Я опустил листок, поднял голову и увидел, что я не один.

Моим визави оказался худой человек с усталым лицом. Я понимал, что он пристально смотрит на меня, но взгляд его глаз скрывали затемненные стекла. В первый момент мне показалось, что напротив меня сидит Леон. Присмотревшись, я понял, что мой гость действительно похож на Леона, но только похож...

И тут мне припомнился худой человек в темных очках, который присоединяется к свите Волаңда на балу Сатаны в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Писатель назвал его Абадонна.

Я исподтишка разглядывал его, в смятении размышляя, в каком пространстве нахожусь теперь. Существовало две возможности: либо — мой ночной визитер совершенно реален, скорее всего он и есть тот, о ком я только что переводил стихи, а это значит, что я, погрузившись в работу, прослушал трубный глас и вскоре подробно описанная Иоанном скорпионоподобная апокалиптическая саранча накинется на меня, ибо во лбу моем нет печати Господней и я не принадлежу к избранным, либо — я так глубоко ушел в поэтические образы, что мое воображение сублимировало ангела.

Молчание затягивалось, и я решил начать беседу, пользуясь правом хозяина — не исключено, что чтением перевода я вызвал ангела, назвав его по имени. Бросив взгляд в окно на ночной снегопад и решив говорить, опускаю вопросы, начинающиеся словами «откуда», «кто» и «почему», я спросил в таком тоне, словно разговариваю с Леоном.

— Послушай, ангел, этот бесконечный снег, который падает на нашу жизнь и днем и ночью, не предзнаменование ли Божье? Мне

вдруг пришли на память десять бедствий, которые наслал Господь на процветающий Египет еще во времена Иосифа.

Пожав плечами, ангел потянулся через стол, взял сборник, полистал и вслух прочел:

*ничто не канет навсегда
останется в реке вода
в лесу гнилушки бурелом
в ночи луна и солнце днем
поскольку Бог так завещал
он хлопотать не перестал
стелясь туманной пеленой
в которой строит новый Ной
ковчег над этою рекой*

— Ты веришь в то, что жизнь еще имеет смысл? Скажи, каким путем, по-твоему, идет развитие людей, эпохи, мира? Мне кажется, что многое так быстро изменилось, как будто шулер передернул карты, но только внешне, а реальных позитивных перемен — духовных, эмоциональных — пока не видно: словно семена, они ждут часа прорастанья.

Он улыбнулся, словно что-то зная, и, пошуршав страницами, ответил:

*в ночи звучит призыв как плетка хлесткий
он гонит нас разбитою тропой
в неведомое и на перекрестке
в лицо нам лает ветер
в миг тупой
сдадимся мы судьбе что в каждом шаге
нас караулит зная наперед
что в царстве том куда идем с отвагой
иного больше не произойдет
чего уже однажды в жизни плоской
не послучалось с нами в миг тупой
когда звучал призыв как плетка хлесткий
и гнал вперед разбитою тропой*

— Скажи мне, ангел, для чего ты здесь? Уже настало время для прощанья? Ужель седьмая сломана печать? Иль это строгий знак, что слишком далеко нас занесло в вульгарном толковании свободы?

Он, выпрямившись, сел, похожий на судью, и отчеканил голосом стальным:

*я предал всех
как все меня
и мы
иудин род
ползком
на четвереньках*

семена
 все тщимся мыслью об одном
 стараясь из последних сил
 попасть в заоблачный чертог
 оставив скорбный ряд могил
 где похоронен только
 Бог

— И все-таки ответь, куда влечет нас время? Возможно ль бездны избежать в конце пути?

Откинув прядь волос, упавшую на лоб, с насмешливою миной прочитал он:

куда несут нас эти дни?
 но небо не осветят
 знаменья легкие огни
 никто нам не ответит
 что впереди нам суждено
 и кто о том хлопочет

над нами Бог немой давно
 от ужаса
 хохочет

— Но кто подаст хотя бы луч надежды? Вокруг не люди — полчища волков...

Он постучал ногтями по столу, дав мне мгновение подумать, и заметил:

в тебе такая безнадежность
 нет сил
 но должен ты в ответ
 терпеть до боли стиснув вежды
 хоть и не сбудется рассвет
 и ночь темнее станет вдвое
 четырежды и пятерижды
 чтоб твой кулак вновь стал ладонью
 и пел тихонько песнь надежды

— Но неужели не вернется Бог? Зачем, прогнавшись, он нас оставил? Быть может, упование на Мессию согреет наши души в темноте?

Откинувшись на спинку стула, ангел, как врач, что вышел с сообщением о летальном исходе, вдруг посуровел, словно небо перед бурей, и резко головою покачал:

и нет во мне возврата к пастве
 пришествия второго нет
 что с колокольным звоном Пасхи
 вы ждете словно Божий свет

явился в этот мир суровый
 я в первый и в последний раз
 и знаю

с каждой Пасхой новой
 все дальше становлюсь от вас

никто призвать не сможет словом
 меня того кем был давно
 тому кто смог воскреснуть
 снова
 к вам возвратиться не дано

— Так, значит, остается лишь одно — есть руки, губы, ум и сердце, все, данное однажды нам, что мы должны использовать как средства, ища пути к свободе истинной?

Он выслушал и разомкнул уста:

— Ты прав...

никто тебя не заключал в острог
 хоть в душу как в узилница решетку
 глядишь зрачками полными тревог
 туда где бойко напевает что-то
 не соловей
 а серый воробей
 что прилетел сюда не оробев
 и вдруг свободней всех людей
 ты станешь среди стен постылых
 как будто Бог свободу дал тебе
 которую никто отнять не в силах

Он встал передо мною, как священник, что держит раскрытый черный томик Библии в руках. Он обратил свое лицо к страницам, приблизил их к лицу, и по прошествии мгновения я оказался вновь один, а на столе лежал закрытый том стихов Леона.

В окне все так же падал легкий снег. Была зима. Февраль 96-го. Конец тысячелетия приближался.